

Ему было холодно. Хотя он был холоден долгое время. Так долго, что он почти забыл, каково это - быть теплым. Только в те времена, когда теплая жизненная кровь добычи проливалась сквозь губы и наполняла его до краев, он мог чувствовать тепло. Но на самом деле это было не до краев, не так ли? Или было? Он не мог сказать. Адская цепь, которая связывала его слишком долго, избавила его от способности говорить.

Рациональная часть его, часть, которая когда-либо появлялась только на редких уроках Виктора, сообщила ему, что ему нужна одежда, чтобы снова почувствовать тепло. Эта кровь была не единственным ответом. Но едва ли было реалистично давать ему одежду. Его едва кормили.

К счастью, эта женщина так и не вернулась. Ему было трудно считать дни и недели в своем гневе, но она еще не вернулась. Его разрывало на части, действительно ли он благодарен за это или нет. Спасибо, потому что ему больше никогда не придется чувствовать отвратительный запах ее розовых духов. Разозлился, потому что не мог оторвать ей конечность. Он был совершенно оскорблен, и он был бы проклят, если бы это когда-нибудь случилось снова. Поэтому он стал монстром, которого они все боялись. Это был единственный способ, который он мог придумать в своем ужасно ослабленном состоянии, чтобы держать их подальше.

И это сработало. Один в своем одиночестве и темноте. Даже уроки больше не были передышкой. В конце концов, он перестал задавать вопросы. Он просто наблюдал и делал те выводы, которые хотел. Виктор знал, что ему больно. Но Виктор никогда не испытывал того, что у него было, никакие слова утешения не решили бы проблему, и Виктор знал это. Так что он сделал единственное, что Виктор, казалось, хорошо для этих дней. Он не отставал от уроков, которые становились все более редкими. На последнем кормлении, Виктор показал ему, что он сказал, что это был последний урок.

Виктор показал ему, как превратить другого вампира. На самом деле это было очень просто в принципе, но даже Расса, мальчик, который, как считалось, был поглощен темнотой, появился на этом уроке.

Виктор превращал человека в мальчика, который проявил большую преданность ему в час нужды во время конфликта между Орденom и Хаосом. Это было желание мальчика, и Виктор не видел причин отрицать его. Виктор очень четко заявил, что мальчик не будет испытывать ни эмоционального, ни психического влияния со стороны Виктора, ему необходимо самому пережить эти перемены.

"Чтобы научить вас выносливости", - сказал он.

Затем Виктор протянул клыки, и держал мальчика неподвижно, так как он осушил мальчика почти до последней капли. Расса почувствовал, как трудно остановиться. Как каждый инстинкт кричал ему, чтобы он продолжал идти. Чтобы взять последнюю каплю. Но Виктор вместо этого отступил, и, глядя на почти безжизненные глаза мальчика, поднес запястье к своим клыкам и порвал плоть, а затем положил ее в рот мальчика, пока не проявилась его исцеляющая способность.

Кровь стекала в рот мальчика, и через некоторое время мальчик внезапно пошевелился, схватившись за запястье Виктора и опустив в него растущие клыки.

"Они должны пить до тех пор, пока не наполнятся, - сказал Виктор, - а затем спать до тех пор, пока трансформация не завершится". Если какой-нибудь из шагов будет пропущен, или это будет сделано не по плану, результат будет довольно ужасным". Чудовище, которое знает только бездумный голод. В некотором смысле они могут быть хуже, чем Дампир. Самое главное, что за этим стоит намерение. Кровь вампира - основа того, что мы есть. Выход энергии и связь с Хаосом. С готовностью, наша кровь может даровать необыкновенные вещи, здравомыслие, здоровье, или как в этой церемонии поворот. Но взятая и потребленная без согласия вампира, особенно со злым умыслом... даже если это всего лишь капля, пораженные будут сведены к простой тени потенциала. Осквернённая форма хаоса, одержимая лишь голодом. Так появилось слово "обжорство". Потому что они чувствовали и видели наш голод, и они могли назвать его ничем большим и ничем не меньшим, чем Грехом Хаоса. Такова сила невежества".

Тогда Виктор обратился к Рассе: "Будь осторожен, малыш. И позаботься о том, что для тебя важно. Это все, что важно в Хаосе. Что то, что тебе дорого, что бы это ни было, защищено, и что у тебя есть сила и способность защищать это".

Расса обратился к Виктору, почувствовав тон его прощания.

"Время пришло?"

Этот простой вопрос, первый вопрос, который задал Расса за несколько месяцев, в ответ получил лишь небольшую улыбку, когда память угасла, и Расса был затолкан обратно в цепи муравьев.

"Когда это случится, тебе будет дан шанс". Не тратьте его впустую, а то застрянете здесь надолго".

Виктор никогда не задумывался о том, каким может быть этот шанс, но Расса мог догадаться. Уничтожение изоляции было ключевым процессом, который охватывал невероятное количество энергии. Энергии, которую даже муравейник не в состоянии подавить.

Расса выжидал свое время. Ярость, кипящая под поверхностью, так как он впервые с тех пор, как эта женщина осквернила его, считал себя по-настоящему самим собой. Он мечтал о том, что он сделает, как только выйдет наружу. Длинная ванна. Немного одежды. Приличная еда. Но правда была ясна ему. Он обманывал себя, думая о чем-то другом.

Убийство. Это была бойня.

Стук знакомых шагов приближался, но Расса не видел смысла признавать их. Не тогда, когда

он ждал чего-то гораздо более важного.

"Для тебя могло бы быть гораздо лучше, если бы ты просто сотрудничал".

Этот голос. Этот запах. Возможно, он стоял того, чтобы признать, хотя бы для того, чтобы дать ему знать, что его ждет. Расса поднял глаза.

"Возможно, вам даже не пришлось бы оставаться в этой клетке, в этих цепях, до конца вашей жалкой жизни, - продолжал Зарот, - Возможно, ваши хозяева могли бы признать вас, и возвести вас над ними". Их надежда и спаситель".

Глаза Рассы сузились. Он сильно сомневался в этом, учитывая, как они его использовали. Семья Килдаре не заботилась о том, чтобы заплатить долги или покататься. Они просто заботились о том, чтобы установить и сохранить свое место поверх всех остальных.

"Теперь, когда ты больше не будешь под моей опекой, под чьей-то заботой на самом деле, я думаю, ты просто останешься гнить здесь. Ты был бесполезен, когда родился, и теперь, опять же, ты будешь бесполезен, - сказал Зарот, - Ничего, кроме грязи под сапогами лучших людей".

"Надеюсь, ты не имеешь в виду себя, - рашпилил Расса и неразборчивый голос, - и Заорт, похоже, был удивлен ответом". Очевидно, что он ожидал от Рассы своего обычного молчаливого обращения. Он оценил мальчика, нет, молодой человек сейчас, более пристально.

"Похоже, вы в приподнятом настроении, что привело к этому?" спросил Зарот.

Расса в почти дикой улыбке обнажил клыки: "Может быть, я с нетерпением буду праздновать день, когда избавлюсь от вещей, которые удерживают меня".

Зарот хихикал: "Даже после всего этого времени, надежда все еще не умерла в тебе?"

Расса вздохнул: "Это не надежда".

"Что же тогда?" спросил Зарот.

"Может, ты и не первый, но я обещаю сказать тебе, когда придет время".

"Раздавая обещания сейчас, мой ты в хорошем настроении, - ответил Зарот, - Я надеюсь, что это не будет омрачено тем, что я скажу тебе, что меня вызвали в наш общий дом хозяина".

"Килдаресы никогда не были и не будут моими Хозяевами", - ответил Расса.

Улыбка Зарота упала. Это был его последний приказ никогда не давать Рассе знать, кто его Хозяин. Как мальчик узнал об этом?

"Берегите себя в вашем путешествии, доктор Саген Зарот, - усмехнулся Расса, - я бы не хотел, чтобы вы умерли, прежде чем у меня появится шанс отплатить вам натурой за то, что вы со мной сделали".

Глаза Зарота сузились, и он повернулся с причудами: "Ты злишься, если когда-нибудь думаешь, что сбежишь от этих цепей".

Расса почувствовал это тогда, этот маленький щелчок глубоко в его душе. Как будто там была стена, блокирующая его от его истинного "я". И внезапно, внезапно появилась трещина. Миниатюрная и почти незаметная, но Расса почувствовал это.

Когда Зарот покинул Джеррику, радостный смех монстра в самых глубоких местах шахт погнался за ним, как тени делали солнце в сумерках.

<http://tl.rulate.ru/book/35396/933710>